

УДК 930(47+57)КРЫМ(092)

**К 125-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ В. И. РАВДОНИКАСА.
ПУТЬ В НАУКУ. Ч. 1: ТИХВИНСКИЕ ИСТОКИ¹**

Платонова Н. И.

*Институт истории материальной культуры РАН,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: niplaton@gmail.com*

Бондарева В. В.

*Тихвинский историко-мемориальный и архитектурно-художественный музей,
г. Тихвин Ленинградской обл., Российская Федерация
E-mail: tikhvinmuseum@yandex.ru*

Жервэ Н. Н.

*Музей истории Санкт-Петербургского государственного университета,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: jsoph@mail.ru*

Титова А. А.

*Информационно-краеведческий центр «Нагорное Обонежье»,
г. Тихвин Ленинградской обл., Российская Федерация
E-mail: alla.titova@mail.ru*

Исследование посвящено одному из крупнейших российских советских археологов XX в. В. И. Равдоникасу. Скучный набор известных фактов его биографии, кочующих из публикации в публикацию, до сих пор изобилует неточностями и пробелами. Они построены почти исключительно на материалах oral history. Сейчас в нашем распоряжении появилась серия новых источников, способных пролить свет на ранний период жизни ученого (1894–1927). Без этой предыстории последующая головокружительная карьера «тихвинского краеведа» просто не может быть понята. Статья представляет собой первую часть работы и охватывает хронологический период с первой половины 1890-х гг. до осени 1917 года.

Ключевые слова: В. И. Равдоникас, научная биография, Тихвин, источники, И. П. Мордвинов

Замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов.
Мы ленивы и нелюбопытны...

*А. С. Пушкин,
«Путешествие в Арзрум»*

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0006. «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и её соседей».

Введение

Владислав Иосифович Равдоникас не нуждается в дополнительных представлениях. Его знают практически все. Знают археологи и этнографы, палеолитчики и медиевисты, антропологи и культурологи. Знают в России и за рубежом, ибо это одна из центральных фигур советской археологии второй четверти XX века. Вклад, внесенный им в отечественную науку, безусловно весом. Тем не менее даже созыв конференции к 100-летию со дня рождения ученого (Гос. Эрмитаж, 1994 г.), с публикацией скромного сборника тезисов – святое, казалось бы, дело! – вызвал в свое время, мягко говоря, неоднозначную реакцию.

Выразителем неудовольствия стал А. А. Формозов, озвучивший свою позицию на страницах центрального археологического журнала. По его словам, «...вопрос об увековечении памяти В. И. Равдоникаса менее важен, чем стоящий перед всем российским обществом вопрос: «От какого наследства мы отказываемся?» И тут к организаторам конференции нельзя не предъявить серьезные претензии. ... Равдоникас был яркой личностью. Писать о нем нужно. Но ярким человеком был, скажем, и Л. Д. Троцкий. Закономерен выход книги о нем Д. А. Волкогонова. Однако юбилеи Троцкого мы не отмечаем. И это правильно. То же и с Равдоникасом...» [1: 197].

Далее следовали другие риторические вопросы: «Каким образом недавний тихвинский краевед, автор 20 заметок на сугубо частные темы оказался вдруг лидером советской археологии? Как мог доклад молодого ученого, отвергавший абсолютно все, что сделано русской археологией на протяжении 200 лет, вызвать сочувствие у слушателей и побудить их работать в совсем другом духе?». И наконец самое главное: «Надо ли доказывать, что доклад тихвинского краеведа не мог коренным образом изменить обстановку в советской археологии, если бы за спиной автора не стояли некие могучие силы? *Современники в этом не сомневались. Сошлюсь на книгу М. А. Миллера «Археология в СССР» (1954, с. 74) [2: 74]. То же говорили мне А. В. Арциховский и Б. Н. Граков... (курсив наш. – Авт.)*» [1: 198].

На все перечисленные вопросы, конечно, необходимо дать ответ, причем отнюдь не риторический, а подкрепленный фактами. К этому мы обязательно вернемся ниже, а сейчас обозначим принципиальную позицию. За время, истекшее после публикации цитированного текста А. А. Формозова (1996 г.), нашему ученому сообществу выпали немалые испытания. В частности, последнее десятилетие показало воочию всем и каждому (конечно, с поправкой на эпоху), как выглядит на практике инициированный сверху «перевод на новые рельсы» Российской академии наук, системы образования, музейного дела и т.п. Все это не могло не способствовать (по крайней мере, у части наших коллег) появлению более продуманных, более взрослых оценок пути, пройденного советской наукой в XX веке. Сквозь призму сегодняшнего дня опыт ведущих археологов эпохи «Великого перелома» (в числе коих был и В. И. Равдоникас), воспринимается несколько по-иному, не так, как лет 20 назад.

Следует прямо признать: наши предшественники сумели, в конечном счете, отстоять свой участок научного фронта в труднейшем диалоге с тогдашней властью.

В суровых условиях СССР 1930-х гг. им удалось актуализировать археологию, перевести исследования в новый контекст, сделав упор на принципиально иные аспекты – и не допустить при этом ни упадка науки как таковой, ни полного разрыва с прежней традицией (что было, кстати, абсолютно реальной перспективой!). Этот важный исторический опыт является сейчас нашим неотъемлемым наследием. Актуальность его в современном контексте лишь недавно стала осознаваться. Он требует непредвзятого, всестороннего, профессионального изучения.

Напротив, проблема «отказа от наследства» явно отошла на дальний план. То же следует сказать о конспирологических версиях, демонизирующих отдельных ученых и намекающих на «могучие силы», якобы стоявшие у них за спиной. Сегодня эти версии медленно, но верно теряют популярность под напором фактов, показывающих обратное.

В последние годы исследование аутентичных источников эпохи сталинизма ведется полным ходом. В частности, стали публиковаться *полные стенограммы* погромных дискуссий [3]. Эти уникальные документы (а также стенограммы собраний научных коллективов и заседаний различных комиссий в учреждениях археолого-этнографического профиля) уже легли в основу ряда монографий и статей, по-новому освещающих проблемы взаимодействия науки и власти в СССР, движущие силы и истоки процессов, происходивших в 1920–1950-х гг. [4; 5; 6; 7; 8]. Ранее все эти события были известны научному сообществу, в основном, в пересказах мемуаристов. Открывшаяся историческая реальность оказалась сложнее, запутаннее и жестче.

В результате плоская «черно-белая» картинка истории нашей науки, характерная для первых постсоветских лет (бинарная структура: противопоставление однозначных «гонителей» однозначным «гонимым»), сменилась многоплановым полотном, изобилующим сложными мотивациями, неожиданными тандемами, противоречивыми оценками и т.п. На наш взгляд, не следует доходить на этом пути до геркулесовых столбов, утверждая, что черного и белого вообще нет в природе, а есть лишь оттенки серого. Нет, моральные барьеры, точки отсчета добра и зла, на самом деле, никуда не деваются. Однако ученый-биограф призван не изрекать приговоры, а всесторонне исследовать источники. В этой работе так называемая *oral history*, вбирающая в себя и мудрую притчу, и злобную сплетню, и пустую болтовню, обязана занять подобающее ей сугубо подчиненное место.

Устные рассказы и байки об ученых («научный фольклор») имеют большую ценность для понимания *социальной атмосферы* исследуемого периода. Это важный источник для изучения, скажем, влияния пропаганды на умы или отражения исторических событий в массовом сознании. И уж конечно, эти рассказы прекрасно иллюстрируют *восприятие* неких персонажей некоторыми их современниками. Они оживляют научный текст. Но оперировать устными данными как достоверными историческими фактами недопустимо. Их использование подразумевает обязательный ответ на вопросы: в какой среде и в каких обстоятельствах «байка» могла возникнуть? По каким каналам передавалась информация? Чем объясняются

противоречия?.. В противном случае мы рискуем уподобиться чудаку, реконструирующему историю Руси эпохи князя Владимира по былинам об Илье Муромце или биографию Наполеона по рассказам старых солдат. И то, и другое по своему любопытно, но, разумеется, крайне односторонне.

Научной биографии В. И. Равдоникаса до сих пор не создано. Имеющиеся на данный момент краткие очерки [9; 10] построены даже не преимущественно, а *исключительно* на oral history, сопровождаемой далеко не исчерпывающим рассмотрением его трудов. Первой попыткой опереться при анализе его деятельности на архивные источники явилась публикация одного из авторов настоящей статьи [11]. Но эта работа, вышедшая в свет 17 лет назад, имела целью не биографию ученого, а разбор его книжки «За марксистскую историю материальной культуры». Сделанные тогда выводы нашли отражение в монографии, посвященной истории археологической мысли в России [12: 27–28]. Еще одна попытка анализа деятельности В. И. Равдоникаса была предпринята совсем недавно – в контексте новейших исследований Старой Ладogi [13].

В декабре 2019 г. исполнилось 125 лет со дня рождения Владислава Иосифовича. Среди его учеников было немало крупных археологов, таких, как Я. В. Станкевич, Н. Н. Гурина, А. Д. Столяр, О. И. Давидан, Т. Д. Белановская, К. Д. Лаушкин и др. Но никого из них давно нет в живых. Очередной юбилей прошел незаметно. Только выставка, открытая к этой дате в Тихвинском историко-

мемориальном и архитектурно-художественном музее (ТИМАХМ), показала нежданное обилие ранее не востребуемых источников о жизни и деятельности ученого. Последнее заставляет всерьез задуматься о научно-биографическом исследовании и объективном анализе «наследства». Настоящая статья призвана положить ему начало. Ближайшая цель – дать ответ на самый первый из вопросов, не раз повторявшихся нашими предшественниками: как случилось, что в конце 1920-х гг. в отечественную археологию «ворвался, как метеор, никому не известный провинциал и сразу же стал ее идейным лидером» [10: 372]

Скудный набор известных фактов биографии В. И. Равдоникаса, кочующих до сих пор из публикации в публикацию, изобилует неточностями и пробелами. Сейчас в нашем распоряжении появилась серия аутентичных источников, современных событиям и способных пролить свет на ранний период его жизни (1894–1927). Указанный период включает детство и довоенную юность ученого, а также фронт и последующее тихвинское десятилетие,

Рис. 1. Владислав Равдоникас – юнкер Михайловского артиллерийского училища. 1916 г. Фонды Музея истории СПбГУ. Инв. № КП 687-117.

вместившее в себя активнейшую общественно-политическую, военную, педагогическую и научную деятельность. Без этой предыстории, без уяснения того, что же, в действительности, представлял собой «тихвинский краевед» к 1929 году, его последующий головокружительный взлет просто не может быть понят. Настоящая статья представляет собой первую часть работы, охватывающую хронологический период с первой половины 1890-х гг. до осени 1917 г.

Основу исследования составили материалы, хранящиеся в СПбФ АРАН (ф. 1909, В. И. Равдоникас), РО НА ИИМК РАН (ф. 2 и 35), ЦГИА (ф. 2251, И. П. Мордвинов), в фондах ТИМАХМ, Музея истории Санкт-Петербургского университета, а также в частных руках.

Отец

Во всех анкетах в графе «социальное происхождение» В. И. Равдоникас неизменно писал: «Из крестьян» [14: 2]. Хотя из тех же анкет однозначно следовало: из крестьян происходил не он, а его отец, выходец из Ковенской губ. Иосиф Рау/доникас (1861–1902). На момент рождения сына отец служил в Тихвине фельдшером и числился крестьянином лишь формально. Так что, по советским понятиям, В. И. Равдоникас происходил из семьи «служащего».

В статье А. Д. Столяра, опубликованной в 1988 г., о самых ранних годах Владислава Иосифовича сказано следующее:

«Он был сыном обрусевшего литовца, фельдшера земской больницы Тихвинского уезда Иосифа Устиновича Равдоникаса (Раудоникаса), разделявшего прогрессивные взгляды и сотрудничавшего в 90-е годы с И. П. Мордвиновым – самоотверженным патриотом-просветителем, ... энциклопедистом-краеведом. В возрасте четырех лет Владислав Иосифович потерял мать, через год – отца. Начало столетия ребенок бы встретил бесприютной сиротской долей, если бы не душевная щедрость и забота вырастившей его семьи учителей Ильинской сельской школы – Андрея Гавриловича Остроумова и его жены. Среднее образование юноша получил в Петербурге, в реальном училище...» [9: 8].

В публикации Л. С. Клейна, вышедшей в 2010 г., эти скудные сведения дополнены так: «...мальчик к четырем годам потерял мать, а к 5 годам – отца, умершего от алкоголизма. Сироту воспитало семейство учителя сельской школы Остроумова... В общем, он вырос очень образованным человеком, с большими культурными запросами... (курсив наш. – Авт.)» [10: 373–374].

К архивным источникам (даже просто к «Личному делу» В. И. Равдоникаса в ИИМК РАН!) ни А. Д. Столяр, ни Л. С. Клейн не обращались, всецело полагаясь на свою память. Но память нередко подводит, особенно когда дело касается хронологии. В одной из своих анкет В. И. Равдоникас указал даты смерти матери и отца – 1898 и 1902 [14: 123]. Значит, отца он потерял не в 5, а в 8 лет. Однако и первая дата неверна. Еще в мае 1900 г. его мать была жива и родила дочь Елену. Что касается смерти родителя *от алкоголизма*, то это, скорее всего, чистый вымысел.

По признанию А. Д. Столяра, Владислав Иосифович «в личном общении был крайне лаконичен». Ответом на любые неуместные (или неумные, по его мнению) вопрошания бывала «...очень типичная для него вольтерьянская усмешка,

сопровождаясь легким покашливанием (кхе, кхе...). Острейшая наблюдательность и беспощадный, уничтожающий, иногда оскорбительный, с издевкой, сарказм; прямота, порой изрядно выходящая за черту общепринятого. Все это, в совершенно особом исполнении, обрушивалось чаще всего на сотрудников; к студентам В. И. Равдоникас относился великодушнее, но и юными душами полученные от него уроки запоминались раз и навсегда...» [9: 19].

Этот пассаж заслуживает полного доверия: наговаривать на учителя А. Д. не стал бы никогда. Он принимал его таким, как есть, на всю жизнь сохранив по отношению к нему безоглядное преклонение, сродни юношеской влюбленности. Так что можно не сомневаться: В. И. Равдоникас жестко держал дистанцию даже с верными своими поклонниками, всегда оставаясь для них, в какой-то мере, загадкой. Все живые подробности о нем, попавшие в печать (а также все байки о нем, рассказанные студентам кафедры археологии ЛГУ), представляли собой именно *наблюдения со стороны* (подлинные или вымышленные). Они никогда не основывались на собственных рассказах Владислава Иосифовича. Цитированный очерк А. Д. Столяра – самый яркий тому пример. На сегодняшний день это самые подробные и самые прочувствованные воспоминания о В. И. Равдоникасе. Но и в них мы не найдем ни единой живой подробности, рисующей его молодость – тихвинскую или военную. Автор и рад бы нам их поведать, да только учитель не рассказал. Остается сухая схема: родился... потерял родителей... жил у Остроумовых... учился в Петербурге... воевал... все! Оживляется она лишь обильными авторскими эмоциями («бесприютная сиротская доля», «душевная щедрость и забота» и т.д., и т.п.).

В подобном контексте предположение, что В. И. Равдоникас мог сам, в порыве откровенности, выложить кому-то пикантные подробности смерти отца, выглядит маловероятным. А кто же их знал-то, кроме него самого? Мы явно имеем дело с досужим домыслом, ставшим привычным от частого повторения... Владислав Иосифович в зрелые годы не отличался воздержанностью, что, в сочетании с его любовью к эпатажу и издевке, иногда могло выглядеть ошеломляюще. Однако дожил он до глубокой старости в абсолютно здравом уме и трезвой памяти. Такое возможно лишь при очень здоровой наследственности литовского хуторянина.

Вопрос о пребывании Владислава в семье Остроумовых представляет собой отдельную интригу. Оставшись круглым сиротой в 1902 г., он *никак не мог быть усыновлен этой семьей* – хотя бы потому, что семьи тогда не существовало. Андрей Гаврилович Остроумов обвенчался с Антониной Леонидовной Григорьевой лишь 9 июля (ст. ст.) 1908 г., о чем сообщается в ее «Воспоминаниях», датированных 1922 г.¹ [15: 1]. В дальнейшем они с женой, действительно, сыграют важную роль в судьбе подростка. Но будет это значительно позже – в 1910–1914 гг. (см. ниже).

¹ Воспоминания А.Л. Остроумовой, написанные в 1922 г. и продолженные ее дневниковыми записями 1923–1927 гг., охватывают период с середины 1908 г. (т.е. с момента свадьбы) по 1927 г. В настоящее время рукопись хранится в Санкт-Петербурге в семье ее правнучки Марии Коложвари. В середине 1990-х гг. А. А. Титовой была снята копия с этой рукописи. Цитаты приводятся по указанной копии.

Имя А. Г. Остроумова упомянуто в книжке В. И. Равдоникаса, посвященной жизни и деятельности его любимого наставника – педагога, археографа, краеведа и революционера Исаакия Петровича Мордвинова [16: 9]. В этом очерке дважды упоминается и его отец [16: 9, 14]. Описывая краткий период жизни Мордвинова, когда тот возглавлял образцовую частную школу в д. Яковлево Деревской волости (1892–1894 гг.), Равдоникас сообщает буквально следующее:

«...Он развил здесь свои педагогические взгляды, проверил их на живом опыте, а затем выступил в периодической печати... Вместе с тем он занимался и общественной работой в деревне *(вместе с другими передовыми учителями, особенно вместе с А. Г. Остроумовым, насадителем в уезде земских школ и кооперации)*, участвуя в разных земских кампаниях – по борьбе с голодом, с холерой, по обсеменению, по статистике, был избран санитарным попечителем всего уезда и пр. ... Пробовал он вовлечь учителей в краеведческую работу: рассылал, например, по школам отписки своих статей с призывом к изучению края. *Работать было тогда, в мрачное время Александра III, нелегко. Кругом процветал «чеховский» уездный быт, интеллигенция пьянствовала, занималась не тем, чем надо; всякое серьезное общественное дело подвергалось удушению в самом начале. Зато развивалась подпольная революционная работа, получившая известное отражение и в Тихвине. И здесь в 90-х годах вышли споры между народниками и марксистами, и здесь возникали нелегальные и полунелегальные группы и кружки. Известно, что в 90-х годах в Тихвине существовали конспиративные квартиры и была организация подпольного Красного креста, возглавляемая И. У. Равдоникасом. И. П. участвовал и в нелегальной работе, попав под подозрение полиции. Кажется, именно ожидание полицейских преследований заставило его в 1894 г. бросить Тихвинский уезд...* (курсив наш. – Авт.)» [16: 8–9].

В другом месте Владислав Иосифович уже совершенно определенно указывает на связь И. П. Мордвинова со своим отцом:

«...То было время борьбы марксизма и народничества. И. П. примкнул к народникам, но не вполне; он занял своеобразную позицию... *В Тихвине И. П. нелегально работал также вместе с И. У. Равдоникасом – представителем нелегального Красного креста (организация, имевшая целью помощь и содействие революционерам-профессионалам)*» [16: 14].

Но если совместная подпольная работа И. П. Мордвинова с Равдоникасом-старшим достоверно имела место, то когда же она началась? Целенаправленный просмотр метрических книг Тихвинского уезда в фондах ТИМАХМ выявил два очень важных для нас источника. В части второй («О бракосочетавшихся») метрической книги за 1894 год содержится запись, что 23-его января¹ были обвенчаны «Ковенской губернии, Вилькомирского уезда, Коварской волости младший медицинский фельдшер Иосиф Иустинов Равдоникас, римско-католического вероисповедания, первым браком, 33-х лет» и «Города Тихвина дочь потомственного почетного гражданина Александра Николаева Базырина, православного исповедания, первым браком, 18-ти лет». Подписано: «Священник Александр Лебедев, псаломщик Владимир Смелов». Поручителями «по женихе»

¹ Все даты Метрической книги приводятся по старому стилю.

выступили «Боровичский мещанин Матфей Евдокимов Исаков и Земский врач Казимир Львович Гусаковский, а «по невесте: Секретарь Земской Управы Фадей Иванов Каменев и Горный Инженер Коллежский советник Василий Евгениев Ледант» [17: 272об.–273].

В части первой («О родившихся») метрической книги за тот же 1894 г. имеется запись, что 27 ноября родился и 11 декабря был крещен Владислав, сын «Тихвинской Земской больницы Фельдшера Иосифа Иустинова Равдоникаса, римско-католического вероисповедания, и законной жены его Александры Николаевой – православной». Восприемниками стали «Боровичский мещанин Матфей Евдокимов Исаков и Тихвинская Купеческая жена Елена Иванова Тиханова». Подписи те же: «Священник Александр Лебедев, псаломщик Владимир Смелов» [17: 270об.–271].

Таким образом, мы видим: в конце января 1894 г. Иосиф Устинович еще даже не состоял на службе в Тихвинской земской больнице, а именовался младшим фельдшером Коварской волости, Вилькомирского уезда; сейчас это маленький городок Каварскас (*Kavarskas*) в Литве (Утенский уезд, Аникщайский р-н). Называть его «обрусевшим» явно не стоит – он просто был литовцем, подданным Российской империи.

Рис. 2. Иосиф Устинович и Александра Николаевна Равдоникас с сыном Владиславом. Ок. 1895 г. СПбФ АРАН. Ф.1049, оп. 2. Д. 36.

Звание *младшего* фельдшера свидетельствовало, что его носитель окончил военно-фельдшерскую школу при каком-то госпитале, однако не по первому разряду (то есть отвлекался от учебы другими, более важными для него делами). Впрочем, в Тихвине Иосиф Устинович занял место уже старшего фельдшера. Значит, необходимый стаж работы (5 лет) у него имелся, и аттестации были неплохие. Сам факт женитьбы на юной красавице, дочери состоятельного человека (см. ниже), и то, что земский доктор, его будущий начальник, стал шафером на свадьбе, свидетельствует: жених имел добропорядочную репутацию и сумел расположить к себе самых уважаемых людей Тихвина.

Если знакомство Иосифа Устиновича с И. П. Мордвиновым состоялось лишь в 1894 г., когда Равдоникас-старший стал работать в Тихвинской земской больнице, то придется признать: оно было непродолжительным. Именно в 1894 г. у Мордвинова начались неприятности, и он перебрался сначала в Лужский уезд, а затем еще дальше – в г. Валк (совр. Valka в Видземе, Латвия) [16: 11; 18: 46–55]. Но факт остается фактом: спустя много лет он разыщет осиротевшего сына тихвинского фельдшера, и станет для него, в конечном счете, самым близким человеком (см. ниже). Видимо, все-таки с отцом мальчика его связывали не одни деловые встречи. Это была давняя дружба, память которой он хранил.

Возникают законные вопросы: как глубоко Равдоникас-старший был вовлечен в подпольную революционную работу? Когда он появился в Тихвине? И даже... насколько соответствовали истине сведения о его прежней службе в Вилькомирском уезде?.. Конечно, до обнаружения новых источников в Литве ответить на последний вопрос затруднительно.

Понятно, что свадьбе, состоявшейся в январе 1894 г., должен был предшествовать более-менее продолжительный период знакомства и сватовства. Так что жених приезжал в Тихвин и ранее, причем неоднократно. О тайной стороне его жизни знали, видимо, немногие. Одним из них был Мордвинов. Только он мог спустя много лет рассказать Владиславу правду о его отце. В своем очерке сын утверждает: отец не просто участвовал в местной организации подпольного Красного креста – он ее *возглавлял*... Логично предположить, что информация исходила от Исаакия Петровича.

Нет смысла гадать о причинах ранней смерти Иосифа Устиновича. Причина могла быть любой – от случайного пренебрежения антисептикой до заражения холерой. Но, так или иначе, остается непонятным, что произошло с мальчиком после этого? Как уже говорилось выше, Остроумовы не могли усыновить его ни в 1902, ни, тем более, в 1899 году. И. П. Мордвинов начал принимать в нем участие не ранее 1906 г., когда возвратился в Тихвин. Но ни о какой опеке с его стороны даже речи не шло. Вплоть до 1910 г. он жил в городе нелегально, фактически в нищете, будучи в полицейском розыске за организацию забастовок в г. Валке (1905 г.). Его участие могло проявляться лишь в периодических встречах и общении с подростком... Чтобы реально уяснить ситуацию, необходимо рассмотреть все имеющиеся данные о семье Базыриных, к которой принадлежала безвременно умершая Александра Николаевна.

Материнская родня

Фамилия Базыриных была весьма известной в Тихвине второй половины XIX – начала XX в. Первое печатное указание на родство В. И. Равдоникаса с этой семьей принадлежит авторам второго тома научно-популярного издания «Тихвинский край». Начальный этап биографии ученого изложен там по старой схеме, но с новыми подробностями:

«Владислав Иосифович был сыном обрусевшего литовца, фельдшера земской больницы Иосифа Устиновича Равдоникаса (Раудоникаса) и помещицы Александры Николаевны Базыриной, выпускницы Тихвинской женской гимназии. В четыре года Владислав потерял мать, а через год – отца, но нашлась семья, которая усыновила мальчика. Ее глава, учитель Ильинской сельской школы (р. Сясь) Андрей Гаврилович Остроумов был знаком с родственниками В. И. Равдоникаса. Среднее образование юноша получил в Петербурге, в реальном училище. После учебы он вернулся в Тихвин. Благодаря И. П. Мордвинову, наставнику и другу, юноша заинтересовался историей и археологией Тихвинского края... (курсив наш. – Авт.)» [19: 2/150]¹.

К сожалению, ссылок на источники о матери Владислава здесь не приводится. Однако источники, в общем, ясны. В изданном еще в 1915 г. очерке истории Тихвинской женской гимназии в числе выпускниц 1889 г., действительно, названа «Базырина Александра, по мужу Равдоникас», с пометкой: «ум.»². В тот период данное учебное заведение было еще 4-хклассной прогимназией [20: 124]. В списке ее «попечительного совета» значился Базырин Н. П. [20: 37]. В его инициалы, по-видимому, закралась опечатка. В действительности, речь идет о *Николае Ивановиче Базырине*, потомственном почетном гражданине, отце многочисленного семейства. Помимо Александры, он имел еще, как минимум, четверых дочерей – Лидию (баронессу фон Швахгейм), Екатерину (по мужу Крутицкую), Зинаиду и Антонину. Его сыновьями были Владимир и Сергей³, совместно владевшие в начале XX в. имением Заозерье Большегорской волости Тихвинского уезда, близ пог. Колбеки (ныне – Борское сельское поселение Бокситогорского района). В 1903 г. собственность их в Тихвинском уезде составляла 1079 десятин земельных угодий⁴.

Совместное владение имением однозначно свидетельствует, что братья получили его в наследство от отца. Таким образом, Николай Иванович, родной дед Владислава, формально вполне мог считаться «помещиком». Но поскольку он был не дворянином, а потомственным почетным гражданином, то вывод напрашивается

¹ Здесь и далее первая цифра означает номер тома издания «Тихвинский край», вторая (за чертой) номер страницы.

² По данным Метрической книги Знаменской церкви г. Тихвина, годы жизни А.Н. Базыриной-Равдоникас определяются как 1876 – не ранее 1900 (Фонды ТИМАХМ, инв. № ТМ КП 10681-77. Л. 210об.– 211).

³ Состав семьи Н. И. Базырина реконструирован по разным источникам, включая дневники И. П. Мордвинова и А. Л. Остроумовой, где упомянуты дядя и тетки В. И. Равдоникаса, а также данные, размещенные на сайтах <https://www.geni.com/people/> (дата обращения 10.12.2019) и <https://tihviniana.ucoz.org/> (дата обращения 10.12.2019).

⁴ Сведения о земельной собственности братьев Базыриных собраны пикалевским краеведом Л. А. Старовойтовым.

сам: перед нами успешный коммерсант из низов – один из тех, кто в пореформенное время получил возделенную возможность приобрести себе «вишневый сад».

В томе 3 «Материалов для оценки городских недвижимых имуществ Новгородской губернии» (1901 г.), указано, что наследники почетного гражданина Николая Ивановича Базырина (его самого уже не было в живых) сообща владеют двумя каменными двухэтажными домами в г. Тихвине, с землей и надворными строениями. В домах размещались гостиница и потребительская лавка [21: 34–35]. Тот же источник содержит сведения о других родственниках, имевших недвижимость в городе. Из этих последних особо стоит отметить Софию Фёдоровну Григорьеву [21: 16, 54].

Авторы издания «Тихвинский край» сообщают, что София Фёдоровна была урожденной Базыриной, потомком «обедневшего дворянского рода»¹. «...Она окончила в Санкт-Петербурге Александровское училище для девочек, была прекрасной пианисткой, хорошо владела французским языком...» [19: 2/144]. Мужем ее стал земский деятель и краевед Леонид Иванович Григорьев, автор книги «Тихвин и его святыня» – первого светского издания, посвященного тихвинской старине [22]. Для нас же особенно важно то, что это были родители уже упомянутой выше Антонины Леонидовны Остроумовой (урожд. Григорьевой), сыгравшей, вместе с мужем, важную роль в жизни Владислава.

Степень родства Софии Фёдоровны с Н. И. Базыриным не вполне ясна, но само наличие родства – несомненно. Скорее всего, они были кузенами. Воспоминания и дневник А. Л. Остроумовой свидетельствуют, что между семьями сохранялись прочные связи. Антонина, дочь Софии Фёдоровны приходилась умершей Александре Николаевне кузиной. Именно поэтому в 1910 г. она и ее муж неожиданно для всех (и для себя самих) оказались в роли опекунов трудного, озлобленного подростка – Владика Равдоникаса.

Опекуны

Уникальное, хотя очень лаконичное свидетельство на сей счет содержат «Воспоминания» А. Л. Остроумовой:

«...Пасха была сухая и теплая. Гуляли в одних платьях. ... Вскоре после Пасхи поселился у нас Владислав Равдоникас. *Когда я приехала на летние каникулы, то он и от меня долго прятался в лесу: был страшно дик и оборван. О нем заботилась Лидиха Швахгейм, хотя слабо...* (курсив наш. – Авт.)» [15: 16, 54].

Возникает вопрос: как случилось, что при таком обилии ближайших родственников мальчика в конце концов приняла дальняя родня, причем в состоянии явно неблагополучном? Прежде, чем это объяснить, скажем несколько слов о семье Остроумовых.

Как уже говорилось выше, поженились они в июле 1908 г. Начало супружества оказалось не очень счастливым. Через полгода после тяжелой болезни скончалась София Фёдоровна. У Антонины, убитой горем, случились преждевременные роды;

¹ Основания для подобного утверждения нам пока неясны. Род Базыриных не был дворянским. Хотя возможно, ее отец сумел получить дворянское достоинство по выслуге.

ребенок угас через несколько дней, а сама она едва не умерла. Пришлось делать операцию.

*Рис. 3. Антонина Леонидовна
Остроумова. 1890-е годы.
Фото из семейного архива
Елены Михайловны Лобковской
(Санкт-Петербург).*

Промежутки между этими печальными событиями были заполнены упорным трудом. Семья Остроумовых не походила на традиционную, где жена занималась бы исключительно домашним хозяйством и детьми. Выйдя замуж, Антонина продолжала зарабатывать сама. Супругов нередко называют, вслед за А. Д. Столяром, «учителями Ильинской сельской школы»¹, но это неверно. После свадьбы в Ильинском работал один Андрей Гаврилович, да и он периодически менял место службы. Антонина Леонидовна в 1908/1909 уч. г. уезжала преподавать в Ярославль. В 1909/1910 уч. г. она получила место в Тихвинской женской гимназии, где благополучно прослужила вплоть до революции. Бывали периоды, когда муж и жена жили совместно только во время каникул (именно так обстояли дела весной 1910 г., когда Владислав перебрался к ним). Но судя по «Воспоминаниям», в семье царил полное согласие. Остроумовы очень любили свое Ильинское – как место, где можно отдохнуть душой и набраться сил. Они были

деятельны и хлебосольны, любили тамошнюю природу, любили повеселиться на праздниках. В Ильинском у них был собственный дом, и Андрей Гаврилович постоянно его обустроивал – в свободное от службы время. Обо всем этом Антонина будет с горечью вспоминать позднее, в середине 1920-х гг., когда с домом придется расстаться:

«...С Дядькой²... плохо; за него душа болит. Всю жизнь отказывал себе во всем, возился с мужиками, а они его готовы предать при всяком удобном случае. Теперешняя власть считает его буржуем. Почему? Очевидно только потому, что дом красивый в Ильинском, да и то отделал-то его благодаря тому, что я жила на свой счет и детей содержала... [15: 27]

...Что-то будет с нашим Ильинским? М. б. через год будет стоять пустой дом и разрушаться, либо на дрова разберут, купить вряд ли кто сможет и захочет; пусть бы хоть учреждение какое-нибудь поселилось, чтобы польза была; к весне, наверное, выяснится. В какое тяжёлое время мы попали жить; да хорошо, если мы переживём и освободим путь нашим детям...» [15: 35].

¹ К сожалению, эта ошибка допущена и в нашей недавней публикации, появившейся в тихвинском еженедельнике «Дивья» [23: 50/4].

² Домашняя кличка Андрея Гавриловича.

Разумеется, в 1910 г. никто не предвидел подобного. В мае Владислав переехал жить именно в Ильинское, к Андрею Гавриловичу. 15-летний подросток был «дик и оборван». Причины одичания отчасти проясняет нам письмо самого В. И. Равдоникаса, направленное им в ЦКК в 1922 г., в связи с исключением из РКПб:

«...Я, сын земского фельдшера, рано умершего, с 14 лет самостоятельно добывал средства к жизни, был я рабочим – начиная от кочегара, подручного слесаря, слесаря и кончая ж.д. машинистом, одним словом пролетарскую школу я прошёл, а образование вырвал себе зубами, в университет в частности я поступил уже во время революции и занимался в нём, не отрываясь от работы по добыванию средств к жизни. Во всяком случае расхлябанности, внутренней дряблости и мешанства в себе я не замечаю... (курсив наш. – Авт.)» [24].

Текст этого письма, вроде бы, давно известен. Однако никому, включая опубликовавшего его А. Д. Столяра, не бросилось в глаза разительное противоречие его содержания с благостной сказочкой об усыновленном мальчике, нашедшем себе новую, любящую семью. Даже если допустить, что автор письма слегка сгустил краски, а о чем-то, наоборот, умолчал (так и было!), суть дела не подлежит сомнению. 14-летний сирота, племянник уважаемых в городе людей, землевладельцев и домовладельцев, сделался пролетарием, рабочим железнодорожного депо. И это – вместо учебы, вместо гимназии, вместо подготовки в университет. Памятуя удивительную легкость, с которой Владислав усваивал знания в последующие годы (и оценив пассаж о «вырванном зубами» образовании!), приходится сделать вывод: причина заключалась не в нем. Между тем, люди, окружавшие его, вовсе не были злодеями... Так в чем же дело?

Разумеется, степень материального благоденствия родичей Владика не стоит преувеличивать. Богачом, по уездным меркам, мог считаться только его дед. Когда состояние, так или иначе, разделилось на семерых, ситуация изменилась качественно. Ярким примером тому служит судьба баронессы Лидии Николаевны фон Швахгейм (1871–1953), старшей тетки В. И. Равдоникаса. Это и есть «Лидиха», упомянутая в «Воспоминаниях» А. Л. Остроумовой.

Около 1891 г. она была выдана замуж за молодого офицера в отставке Александра Аркадьевича фон Швахгейма, владевшего, вместе с братом, имением Пирозеро (ныне часть Алёховщинского сельского поселения). В пореформенный период материальное положение фон Швахгеймов стало совсем не блестящим: привычки баронов оставались прежними, а число наследников в каждом поколении умножалось. Состояние дробилось, имения закладывались, выкупные платежи не покрывали долгов. Так или иначе, первые годы жизни молодой четы в Пирозере прошли счастливо – между 1892 и 1898 г. у них родилось пятеро детей¹. Так что

¹ Сведения об истории фон Швахгеймов, основанные на документах семейного архива и устных рассказах, изложены в заметке «Тихвинские землевладельцы Швахгеймы», размещенной на сайте https://tihviniana.ucoz.org/publ/istorija_tikhvinskogo_kraja_s_drevnejshikh_vremen/personalii/tikhvinskie_zemlevladelcy_shvakhgejmy/8-1-0-47 Дата обращения 10.12.2019.

заботиться о сироте – сыне младшей сестры – выпало именно баронессе. Это было логично.

Однако скоро в семье Швахгеймов возникла трещина, приведшая к катастрофе. Не позднее 1903 г. у барина случился бурный роман с крестьянкой Агафьей Богдановой. В 1904 г. у них родился первый ребенок. В 1905 г. Александр Аркадьевич заново перезакладывает имение. В 1907 г. дело доходит до официального развода. Забегая вперед, скажем: в 1910 г. Агафья станет законной женой барона фон Швахгейма, а супруг ее отойдет в мир иной в 1915 г., успев нарожать в своей второй семье девятых (!) ребят.

Можно представить себе положение Лидии Николаевны, на плечи которой легли заботы о пятерых (фактически – шестерых) детях, которых в такой обстановке требовалось достойно содержать, воспитывать, учить... А нервы, силы, деньги на это – откуда? Отметим попутно, что дворянские офицерские сыновья все же могли рассчитывать на некие послабления (поступление в кадетский корпус за казенный счет и т.п.). Для разночинца Владика Равдоникаса таких вариантов не было. Он стал неподъемной обузой для своей замученной жизнью тетушки и, конечно, осознал это очень рано. Совершенно изгладить в душе подобные впечатления детства, как правило, не удастся никому. Вероятно, многие черты характера В. И. Равдоникаса, впоследствии отталкивавшие от него людей, берут начало отсюда.

Отметим, впрочем, и другое. Конечно, положение Владислава в семье Швахгейм было незавидным. Но вероятно кое-чему полезному он научился и там, вместе с титулованными кузенами. Явно из детства идет его навык игры на рояле (а играл он впоследствии очень хорошо!). Важно и то, что в отрочестве ему, видимо, приходилось жить в Пирозере – старинной усадьбе, где имелась неплохая библиотека.

Аркадий Константинович фон Швахгейм, покойный отец его беспутного дяди, считался в свое время просвещенным человеком. В частности, он выписывал и читал альманах «Русская старина», подшивки которого сохранялись в усадьбе. Так что – кто знает – быть может, первый интерес к истории зародился у мальчика уже тогда?

Само стремление к знаниям вряд ли возникло у него на пустом месте. Но тут следует иметь в виду иной (самый вероятный!) источник влияния. В период между 2006 и 2010 г. Владик тайно общался в Тихвине с И. П. Мордвиновым, который почти 4 года прожил там на окраине, скрываясь от полиции, в самых жутких условиях. В том, что их встречи реально имели место, сомневаться не приходится. В своем очерке о Мордвинове Владислав Иосифович упоминает *самодельную акварельную открытку, которую Исаакий Петрович прислал ему из Венденской тюрьмы* – уже после того, как был вновь арестован в 1910 г. [16: 11]. Наличие тюремной переписки свидетельствует, что узник и мальчик были давно и близко знакомы... А через несколько страниц В. И. Равдоникас добавляет: «Как педагог-практик он был талантлив на редкость, умел возбуждать живой интерес в учениках, привязывать их к себе и увлекать их своими беседами. Сколько дельных и знающих людей вышло из учеников И. П.! Все, кто когда-либо у него учился – в Тихвине, в

Валке, в Ленинграде – вспоминают его с чувством живейшей благодарности, как, в самом деле, редкого, идеального учителя...» [16: 22].

Владиславу в ту пору было уже 12–14 лет. Вряд ли Мордвинов, в его положении, мог заниматься с ним систематически. Но вот пробудить его мысль, приохотить к чтению, привить интерес к истории и заложить основы будущего мировоззрения – безусловно, мог! На этом и зиждилось в дальнейшем совершенно особое отношение В. И. Равдоникаса к Исаакию Петровичу – как к самому дорогому человеку, почти второму отцу. Разрушить это отношение не смогли никакие разногласия – политические или житейские – возникавшие у них позднее, после 1919 года.

Мы не знаем, что именно послужило толчком к решению Владислава идти работать в железнодорожное депо? Не исключено, что тетка попыталась направить его по другой части – в «люди». Однако перспектива стать трактирным мальчиком или приказчиком вряд ли устраивала строптивого племянника, рвавшего учиться. Показательно, с каким сочувствием и затаенным возмущением Равдоникас описывает в своей книжке аналогичные перипетии, пережитые в отрочестве И. П. Мордвиновым [16: 3–4]. В их биографиях на раннем этапе, действительно, было много схожего.

Так или иначе, решение идти в кочегары и подручные слесаря говорит о многом. Тут смешалось и выплеснулось все – гордость, решительность, классовая уязвленность, обида на жизнь и осознание житейского тупика. Из такого теста лепились революционеры. И Владислав неизбежно пошел бы по этой дорожке – если бы помощь хоть немного запоздала. Но сложилось иначе: вызывающий поступок мальчишки наконец-то привлек к нему общее внимание. Неизвестно, как именно договорились между собой остальные дядя и тетки, но дело сдвинулось с мертвой точки. Ведущую роль в этом явно сыграли Остроумовы. Без них остальные родственники просто не знали бы, куда обратиться. Но А. Г. Остроумов сам был педагогом, по тем временам «продвинутым», с большим стажем, «насадителем земских школ» и т.п. В результате с осени 1910 г. Владислав был определен учиться в Санкт-Петербург, в частное реальное училище А. С. Черняева.

Учеба в столице

Пожалуй, это можно считать самой большой удачей в его жизни. Большинству наших современников имя Александра Сергеевича Черняева (1873–1916) мало что говорит. Между тем это был, действительно, выдающийся педагог-просветитель. Еще в 1902 г. он создал в Санкт-Петербурге Общеобразовательные курсы для взрослых – учреждение того же типа, что и Московский Народный университет им. А. Л. Шанявского, открытый шестью годами позже¹. Содержание и методика

¹ *Санкт-Петербургские общеобразовательные курсы Черняева* — среднее учебное заведение в ведении Министерства народного просвещения. Курсы были рассчитаны на четыре года, принимались лица обоего пола, не моложе 15 лет без сословных и иных ограничений. Курсы были платными, но неимущие и хорошо успевающие учащиеся освобождались от платы за обучение. Курсы открылись в 1902 г.; в 1906 г. там начали читать лекции для продвинутых учеников по университетской программе, и на базе курсов было организовано реальное училище. В число преподавателей и лекторов входили

преподавания на Черняевских курсах были таковы, что позволяли молодежи, не получившей среднего образования, за 2–4 года подготовиться к сдаче экзамена на аттестат зрелости. Одним из тех, кому Черняевские курсы дали путевку в жизнь, был П. А. Сорокин, впоследствии – социолог с мировым именем¹. По его словам, они являлись одной из лучших школ такого типа. Проф. К. Ф. Жаков, талантливый философ и этнолог, говорил, что об А. С. Черняеве «должны быть написаны тома, ибо он займет почетное место в истории русской педагогики»².

Среди выпускников и слушателей курсов было немало сельских учителей. Этим, видимо, и объясняется то, что Остроумовы в Тихвине оказались о них наслышаны. В реальное училище, функционировавшее при курсах, *принимали детей-переростков до 15 лет, которые раньше, по тем или иным причинам, не посещали школу*. При училище работала собственная мастерская по производству наглядных пособий. Кстати, А. С. Черняев был первым, кто начал использовать в процессе обучения материалы неигрового кино. На международной выставке «Устройство и оборудование школ», проходившей в Санкт-Петербурге в 1912 г., его училище было удостоено большой серебряной медали³.

Вот в эту школу для переростков и был отправлен Владислав, которому через 3 месяца уже должно было исполниться 16. Полный курс реального училища, рассчитанный на 7 лет, он прошел за 4 года. Но все равно покидать школьную скамью выпало ему уже 19-тилетним.

Годы, проведенные в Черняевском училище, изменили его до неузнаваемости. Закомплексованный, «дикий» подросток, отчаянно боявшийся показаться нелепым и прятавшийся в лесу от всех приезжих, превратился в красивого, артистичного молодого эрудита, прекрасно знавшего классическую музыку и свободно владевшего французским и немецким языками. Забегая вперед, отметим: пристрастие В. И. Равдоникаса музицировать для души удивляло, а порой и раздражало окружающих. И. П. Мордвинов однажды записал в дневнике: «23 июля 1919 г. Пошли... в музей. Владик сидит здесь и играет на реквизированной откуда-то фисгармонии. В общем – он устроил из музея свою усадьбу...» [25: 5/25]⁴. По мысли старого народника, находясь на службе, следовало заниматься чем-то полезным, а не бездельничать. У его ученика имелось на сей счет собственное мнение. Но уж бездельником он точно не был.

лучшие ученые и педагоги Санкт-Петербурга, профессора и приват-доценты университета и ряда институтов. Курсы были закрыты в 1917 г. [26: 46].

¹ Питурич Александрович Сорокин (1889–1968) – великий мыслитель XX века, русско-американский социолог и культуролог. Выслан из СССР в 1922 г. Стал одним из основоположников теорий социальной стратификации и социальной мобильности. Профессор, организатор и первый декан факультета социологии Гарвардского университета, президент Американской социологической ассоциации.

² Гольшев В. Факел неопалимый. Размещено на сайте <https://www.proza.ru/2015/03/20/269> Дата обращения 05.02.2020.

³ Черняев Александр Сергеевич (1873–1916). Размещено на сайте <https://www.psyoffice.ru/6-1013-chernjaev-aleksandr-sergeevich-1873-1916.htm> Дата обращения 05.02.2020.

⁴ Здесь и далее первая цифра означает номер архивного дела в описи фонда И. П. Мордвинова, вторая (за чертой) номер листа.

То, что учеба в Черняевском училище фактически пришлась на время его взросления, возымело неожиданно хорошие последствия. Взрослый юноша, при наличии умных наставников, способен получить от пребывания в столице значительно больше, чем подросток. П. А. Сорокин, сам выходец из глухой северной провинции, о своей учебе на Черняевских курсах вспоминал так: «...умственное и культурное развитие шло не только за счет занятий... но и благодаря приобщению к великим культурным ценностям, собранным в Санкт-Петербурге. В те годы я как губка жадно впитывал бессмертные достижения человеческого гения в науке и технике, философии и изящных искусствах, этике и праве, политике и экономике...» [26: 50]. Очень вероятно, что и широта культурных запросов В. И. Равдоникаса, и его эрудиция, отмечавшаяся многими современниками, уходят корнями в те самые счастливые для него годы, когда он тоже «как губка впитывал» окружавшие его бессмертные творения мировой культуры.

В целом программа, сформированная А. С. Черняевым, представляла собой нечто среднее между «реальной» и «классической» школой. Сам директор, помимо физико-математического факультета университета, окончил Санкт-Петербургский Археологический институт. Указанная область его интересов, конечно, находила отражение в программе занятий и беседах с учениками. В свете этого, последующий интерес Владислава к деятельности Тихвинского отделения Новгородского общества любителей древности (ТО НОЛД) представляется совсем не случайным. Интерес этот вырос на хорошо подготовленной почве.

Черняевское училище было окончено в год начала Первой Мировой войны, и Равдоникас немедленно подает документы в Политехнический институт. Одним из мотивов такого выбора летом 1914 г. могло быть стремление не загреть раньше времени в солдаты. Звание студента давало отсрочку от армии. Владислав, в общем, спокойно относился к перспективе отправиться на фронт, но вовсе не жаждал оказаться там в роли «нижнего чина». Поэтому им было выбрано экономическое отделение Политехнического института, куда «реалистов» принимали без экзаменов, по результатам конкурса аттестатов.

Историко-филологический факультет университета, до поры, до времени был для него закрыт. Чтобы поступить туда, выпускникам реальных училищ требовалось держать экзамен по латыни или греческому за гимназический курс. Подготовка требовала времени, и, как можно догадаться, Владислав осваивал латынь именно в период учебы в Политехническом. Забегая вперед, скажем: в октябре 1917 г., возвратившись с фронта домой, он ретиво взялся за дело – и уже через месяц, 8 ноября 1917 г. сдал латынь на «отлично» в педагогическом совете Тихвинского реального училища. Копия удостоверения о сдаче «дополнительного испытания» хранится в фондах ТИМАХМ¹. Конечно, выучить древний язык за один месяц Владислав Иосифович не мог. Куда правдоподобнее допустить, что месяц ушел у него на повторение пройденного! Следовательно, в 1914–1915 гг. В. И. Равдоникас целенаправленно готовился к будущему поступлению в университет. Его желание избрать своей профессией историю явно не поколебалось

¹ ИИВ. № ТМ КП 10699-1

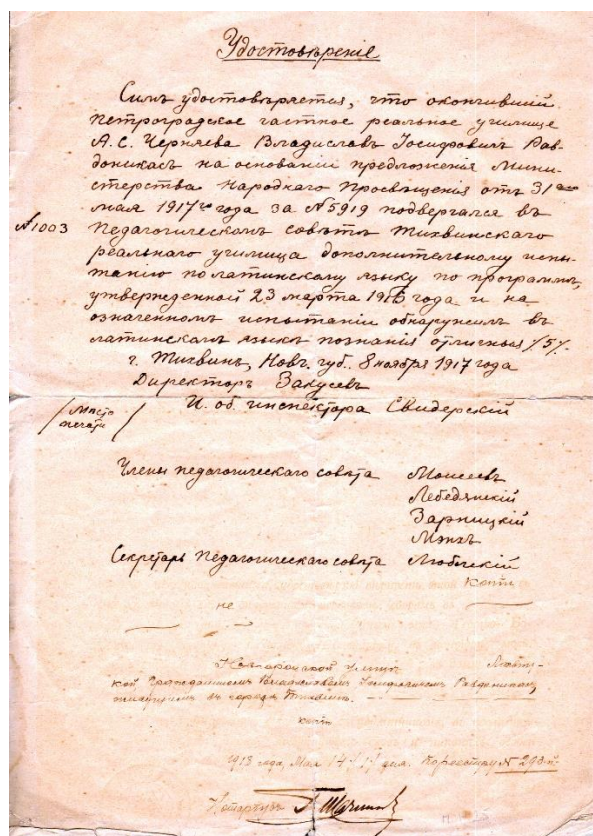

Рис. 4. Удостоверение о сдаче В.И. Равдоникасом дополнительного испытания по латинскому языку (нотариальная копия). Фонды ТИМАХМ. Инв. № ТМ КП 10699-1.

Непродолжительная учеба в Политехническом (два курса или даже немного менее), несомненно, оказалась для него полезной. Институт был организован в 1899 г. как учебное заведение совершенно нового типа. По оснащенности учебным оборудованием, по качеству помещений и т.д. ему не было равных в России. Отметим, что студенты-экономисты получали там подготовку и в области гуманитарных наук. В Фундаментальной библиотеке, кроме традиционных для технического ВУЗа собраний литературы по естественным, точным и техническим дисциплинам, был широко представлен раздел истории¹. Не случайно академик АН СССР С.Г. Струмилин, выпускник института, называл его потом «светлым храмом экономической науки в Сосновке, построенным Витте»².

¹ Размещено на официальном сайте СПбПУ: Фундаментальная библиотека. http://www.spbstu.ru/fundamental_library/library_about.html. Дата обращения 08.02.2020.

² Смелов В.А., Чепарухин В.В. История Санкт-Петербургского Политехнического университета 1899–2019. Размещено на сайте <https://rubin65.livejournal.com/1105233.html>. Дата обращения 08.02.2020.

Тихвинское отделение НОЛД

В период учебы в Политехническом Владислав часто навещался в родные края. Тихвин стал для него тогда вдвойне притягателен. Во-первых, там жила юная Агафья Моисеевна Сафонова, только-только успевшая окончить местную гимназию. Владислав обвенчался с ней в самом конце 1914 или начале 1915 года. В конце декабря 1915 г. у молодой четы родился сын [25: 1/143об.].

Во-вторых – что немаловажно – в 1912 г. в Тихвин возвратился И. П. Мордвинов, уже отсидевший свой срок в Венденской тюрьме и вышедший из партии эсеров, чтобы вплотную заняться краеведческой и педагогической работой на своей «малой родине». Как описывал впоследствии В. И. Равдоникас, «...переживания революционной поры подорвали здоровье И. П., реакция страшно подействовала на его впечатлительную натуру. А тут еще пошли разочарования в личностях, и в целых организациях. Ренегатство, провокация, шкурничество и подлость проявлялись в те мрачные годы на каждом шагу... Он стал отходить и от партии, и от революционной работы...» [16: 20].

И сам Владислав, и его родной город, несомненно, выиграли от того, что неумная творческая энергия Мордвинова отныне поменяла свой основной вектор. Для начала в 1913 г. Исаакию Петровичу удалось устроить большую выставку предметов местной старины, приуроченную к юбилею осады Тихвина шведами (ну и, разумеется, к 300-летию дома Романовых, широко отмечавшемуся по всей России). Одновременно он отослал в «Труды XV Археологического съезда в Новгороде» описание некоторых старинных вещей и рукописей из своего собрания¹. Тогда же, в 1913 г. происходит официальное открытие Тихвинского отделения НОЛД (27: 31–34). Под руководством Мордвинова в городе стало формироваться ядро постоянных, заинтересованных сотрудников, занятых сбором коллекций для будущего музея. В 1914 г. отделение начинает издавать журнал «Тихвинец», где печатались статьи по местной истории.

Душой всего дела был Исаакий Петрович. Лучшее описание его «трудов и дней» той поры принадлежит, конечно, В. И. Равдоникасу:

«...В доме у него была постоянная толкотня – приходила и уходила молодежь пачками, сидели седобородые старцы – любители поговорить, заглядывали общественные деятели в чайники дельного совета, приходили мужики за помощью, одолевали постоянным хождением учителя и учительницы – за книгами, за пьесами и указаниями насчет педагогики и краеведческого дела, прибегали обиженные с жалобами на обидчиков, попавшие в беду – за мудрым советом, приезжие профессора и специалисты неизбежно попадали к Мордвинову «за компетентным содействием». А он всех принимал с неизменной приветливой улыбкой, с радостными восклицаниями усаживал поудобнее – и начиналась беседа.

Собеседник он был совершенно изумительный, говорил так, что гость, особенно свежий, раскрывал рот и слушал, забывая и о времени, и о своем деле.

¹ С этим связана ошибка В. И. Равдоникаса, написавшего в своем очерке, что И. П. Мордвинов участвовал в работах XV Археологического съезда [15: 30]. В действительности тот никак не мог в них участвовать, ибо съезд проводился в 1911 г., когда И. П. еще сидел в тюрьме. А издание «Трудов» состоялось позднее, уже в 1914–1915 гг.

Художественная дикция речи ... у него сочеталась с тонкой наблюдательностью писателя, с блестящим умом ученого и с теплым чувством просто хорошего, душевного человека, много видевшего, много пережившего, много выстрадавшего. Эти живые рассказы и беседы И. П. для тех, кто имел счастье его выслушивать, давали неизмеримо много и пробуждали в его собеседниках лучшее, что в них было. Беседуя, он охотно удовлетворял все запросы обращавшихся к нему от крестьянина до профессора, предоставлял, кому нужно, и свои работы, и свои книги в пользование. Никто не уходил от него с недобрым чувством... Многие злоупотребляли его добротой – не возвращали книг, мешали ему частыми назойливыми посещениями. Это огорчало его, но виду он не подавал...» [16: 40–41].

Острая боль невосполнимой утраты кровоточит тут в каждой строке. Равдоникас писал это в 1925 году, сразу после кончины учителя. А Мордвинов был для него много больше, чем учителем! Это лучше всего объясняет стойкую приверженность Владислава к Тихвину – все те годы, пока Исаакий Петрович был жив.

Заметим попутно, что в описываемый период 1914-1916 гг. Равдоникас проводил в Петрограде никак не меньше времени, чем в родном городе. Он был студентом столичного института, готовился перейти оттуда в университет, занимался в столичных библиотеках и вовсе не испытывал той «краеведческой ограниченности», которая обычно вызывается нехваткой на месте нужной литературы и информации о текущих событиях. Напротив, участие в ТО НОЛД заметно расширяло возможности его профессиональной подготовки. Оно позволяло уже сейчас начать самостоятельные полевые изыскания. При всей ограниченности материальных ресурсов отделения, спонсоры у него имелись. Именно на эти средства студент, только-только окончивший первый курс, был отправлен в 1915 г. в свое первое «ученое путешествие» по Приладожью. Отношение, которым снабдили его в Тихвине перед отъездом, гласило:

«Предъявитель сего Владислав Иосифович Равдоникас командирован от Тихвинского отделения Н. О. Л. Др. для историко-археологических исследований по Тихвинскому уезду в погосты Мелегежский, Петровский, Неболчский, Дрегольский и Колбецкий, в Тервеничский, Ребовский, Капецкий, на реку Оять и в край чухарей.

Председатель С. Цвылев
Секретарь И. Мордвинов»

Как видим, поле деятельности предстояло широкое. Только выбирай!

В июне 2015 г. Владислав произвел свои первые археологические раскопки. Исследованы были 10 древнерусских курганов у пог. Дрегли в верховьях р. Сясь (совр. с. Дрегли, Любытинского р-на Новгородской обл.). Для своего времени эти ученические работы выглядели вполне профессионально. Если сравнить их, скажем, с результатами раскопок курганов у дер. Удрай (совр. д. Удрая Батецкого р-на, Новгородской обл.), произведенных в 1910 г. студентами-историками, выехавшими на практику под руководством А. А. Спицына, можно констатировать отсутствие качественных различий.

Студенты уже знали, что и насыпи, и ямы следует замерять; что инвентарь погребений берется и описывается по комплексам; что особенности размещения вещей надо отмечать в дневнике. Эти требования неукоснительно соблюдал и Владислав, усвоивший их, видимо, по печатным руководствам того же А. А. Спицына. Однотипными были и ошибки, сделанные молодыми людьми в ходе работ. Как в Удрае (1910 г.), так и в Дреглях (1915 г.) в самых больших курганах, раскопанных в том сезоне, вовсе не оказалось погребений. В Удрае большую сопковидную насыпь раскапывал А. В. Тищенко – любимый ученик А. А. Спицына, подававший в ту пору большие надежды. Насыпь исследовалась широкой траншеей, но ни находок, ни костей в ней так и не нашли. Заплывшая траншея и останцы сохранялись до 1989 г., пока этот курган не был раскопан заново – уже на снос. Только тогда выяснилось, что под насыпью находилась погребальная камера [28: 102–104]. Размеры ее настолько не соответствовали привычным представлениям о подкурганых погребениях, что дореволюционные исследователи просто не могли увидеть границ ямы, которые оказывались за пределами заложенной траншеи. Прокапывать же «материк» более, чем на метр вглубь, казалось бессмысленно...

Возможно, подобный казус случился и с молодым Равдоникасом, который, тоже использовал траншейную методику и тоже не нашел погребения в самом большом из раскопанных им курганов – явно неграбленом, высотой более 2 м (4 арш.) [29: 5]. В позднейшую публикацию он эту пустую (?) насыпь просто не включил [30].

Другой ошибкой являлось то, что археологи даже не задавались вопросом о том, что означают находки на пахотных полях, примыкающих к могильникам? В результате все многочисленные древнерусские селища в Удрае были открыты лишь в середине 1970-х гг. В свою очередь, и В. И. Равдоникас, проводя в 1915 г. обследование сопки у д. Новоандреево, не придавал значения находкам, сделанным на огородах деревни (фибула с гранеными головками и лировидная пряжка) [19: 1/78]. Чтобы связать их в уме с распаханном культурным слоем, исследователям понадобилось еще несколько десятилетий.

Вернувшись из поездки, Равдоникас засел за работу. Несколько дней, проведенных им в краю чухарей (вепсов), имели результатом изготовление «большой и точной модели чухарской избы» для музея. Владислав доставил ее Мордвинову в сентябре 1915 г., вместе с чухарским кокошником (парча на набойке), приобретенным в тех местах [25: 1/125]. А четыре месяца спустя, 13 февраля 1916 г. И. П. Мордвинов записал в дневнике: «Вечером внезапно явился В. Равдоникас. Он собрал богатые материалы по раскопкам Тихвинского уезда (из Бранденбурга и других), вечером [я] приводил в порядок записи из его работы для «Тихвинианы»...» [25: 1/153].

21 марта 1916 г. состоялся первый доклад Владислава на заседании Тихвинского отделения – по итогам летних работ. Он начал его с того, что обозначил принципиальную позицию:

«Современная наука, при многочисленности её отдельных дисциплин и при том огромном объёме накопленного веками материала, ... может быть разрабатываема в настоящем смысле этого слова только учёными-специалистами, получившими

многолетнюю специальную подготовку и вполне овладевшими своей специальностью. Творческая деятельность в науке требует большой подготовительной работы, и только очень немногие из местных работников могли бы удовлетворить этому высокому требованию. В... области регистрации, собирания, добывания и хранения данных, могущих иметь интерес для науки, открывается широкий простор научной деятельности местных сил... *Собирание сырого научного материала* – так можно определить... задачу научной деятельности на местах. Здесь она стоит в связи с высшей творческой научной работой...» [29: 1–2].

Можно с уверенностью сказать: этот молодой человек изначально не собирался останавливаться в своих научных занятиях на краеведческом уровне и ограничивать свои задачи сбором сырого материала. Хотя он прекрасно осознавал необходимость такого сбора, и сам занимался им в тот момент – с неподдельным интересом.

Однако до поры, до времени всю эту безумно увлекательную деятельность пришлось отложить. Война затягивалась, русская армия терпела поражения и потери, мобилизации охватывали все более широкие круги населения. Требовалось определиться, сделать выбор, насколько все то, что происходит со страной, касается тебя лично? И Владислав его сделал.

Фронт

В своих позднейших анкетах он писал, что был мобилизован в 1916 г. В советское время так писали многие, в том числе те, о ком достоверно известно, что ушел он на фронт добровольцем (из археологов – Г. А. Бонч-Осмоловский). Тогда было опасно вспоминать о собственных патриотических настроениях времен империалистической войны. Между тем, молодой В. И. Равдоникас был всерьез захвачен массовым патриотическим подъемом, случившимся в России летом 1914 г.

В дневнике И. П. Мордвинова за сентябрь 1915 г. есть запись: «Владик рассказывал, как он при начале войны шлялся по Питеру с патриотическими манифестациями и говорил французскому послу речь на языке галлов...» [25: 1/116]. Как видим, он и тут стремился быть в самой гуще событий, ораторствуя перед неким чиновником посольства Франции (а может и вправду послом?). Как можно догадаться, эпизод имел место в период между 29 и 31 июля 1914 г., когда Британская империя объявила, что ее вступление в войну будет зависеть от позиции Франции, а Германия, в свою очередь, направила Франции ультиматум. Вероятно, Владислав, от лица собравшихся, обращался к Франции с призывом исполнить союзнический долг.

И. П. Мордвинову он рассказал об этом эпизоде только через год – именно тогда, когда принял решение идти на фронт. Несмотря на рождение сына и успешную работу в ТО НОЛД, вопрос этот оставался для него актуален. Записи в дневнике Мордвинова за август 1915 г. свидетельствуют, что ученик сполна разделял его тревогу за судьбы России и русской армии. В ту пору меж ними явно не было никаких политических разногласий:

«18 августа 1915. ... Вечером заходил Владик и Петров. Тосковали о судьбах отечества... Все ждут стихийного взрыва и трепещут.

Руки опускаются. Нельзя работать... Я не читаю газет, но и то, что доходит до меня, может свести с ума. Армия деморализована. В Питере уже был бунт, а в Иваново-Вокресенске – расстреляли рабочих. Дельные генералы отставлены. Главнокомандующий будто самодурствует. Англичане требуют якобы его смещения. Худо, худо!» [25: 1/107].

А через месяц, 17 сентября 1915 г. в дневнике появляется другая запись: «Владик приехал и зашёл ко мне, рассказал, что поступает в артиллерийское училище...» [25: 1/122].

Хотя на практике дело с поступлением в училище затянулось еще на несколько месяцев, ясно, что для В. И. Равдоникаса это было обдуманное решение, принятым самостоятельно, не дожидаясь мобилизации. Окончание военного училища (ускоренным порядком) гарантировало, что на войну он попадет не солдатом, а младшим офицером. Это было самое важное – с учетом «лидерских качеств» Владислава. Все остальное, похоже, не очень его заботило.

Из дневника Мордвинова за 18 мая 1916 г.: «Дважды был Владик. Завтра уезжает в Михайловское артиллерийское училище. Снимались в саду, в музее и в кабинете. ...Мне очень жалко Владика. Какой хороший работник уходит...» [25: 1/183].

Рис. 5. В. И. Равдоникас и И. П. Мордвинов в кабинете 18 мая 1916 г. Фонды ТИМАХМ. Инв. № ТМ КП 11261-24.

Эти снимки дошли до нас. Невысокий, худой, нервный Исаакий Петрович и Владислав – крепкий, решительный, полный сил. Два бесконечно близких и очень непохожих человека.

Обучение продолжалось полгода. Высочайшим приказом от 22 декабря 1916 г. Владислав Равдоникас был произведен из юнкеров в прапорщики, с зачислением по полевой легкой артиллерии. Это был седьмой ускоренный выпуск Михайловского училища. Сохранилась его общая фотография, сделанная в тот же день – 22 декабря¹. На ней все юные офицеры похожи друг на друга, как братья! Меж тем, дороги им предстояли очень и очень разные.

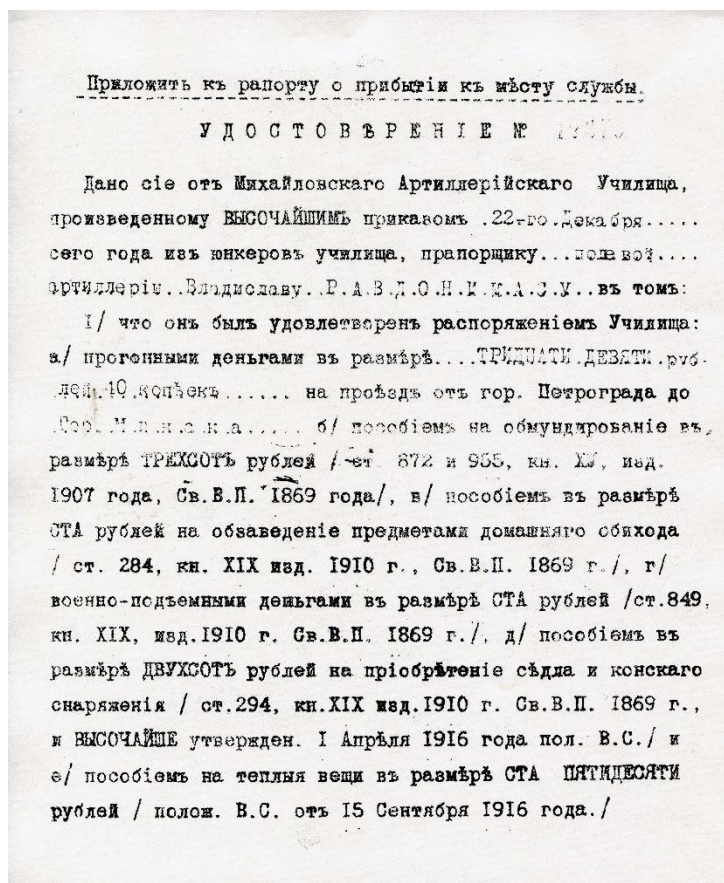

Рис. 6. Удостоверение о получении прогонных денег и пособий прапорщиком В. И. Равдоникасом. СПбФ АРАН. Ф.1049, оп. 2. Д. 74. Л. 8.

Сохранилось «Удостоверение» за № 17870, из которого мы узнаем, что прапорщик Владислав Равдоникас «...был удовлетворен распоряжением Училища: а) прогонными деньгами в размере ТРИДЦАТИ ДЕВЯТИ рублей 40 копеек на проезд от гор. Петрограда до гор. Минска, б) пособием на обмундирование в размере ТРЕХСОТ рублей /ст. 872 и 955, кн. XV, изд. 1907 года, Св. В. П. 1869

¹ Фотография размещена на сайте «Офицеры Русской Императорской армии» <http://ria1914.info/index.php/> Дата обращения 08.02.2020.

года/, в) пособием в размере СТА рублей на обзаведение предметами домашнего обихода /ст. 284, кн. XIX, изд. 1910 г. Св. В. П. 1869 г./, г) военно-подъемными деньгами в размере СТА рублей /ст. 849, кн. XIX, изд. 1910 г. Св. В. П. 1869 г./, д) пособием в размере ДВУХСОТ рублей на приобретение седла и конского снаряжения /ст. 294, кн. XIX, изд. 1910 г. Св. В. П. 1869 г., ВЫСОЧАЙШЕ утвержден. 1 апреля 1916 года пол. В. С./ и е) пособием на теплые вещи в размере СТА ПЯТИДЕСЯТИ рублей /полож. В. С. от 15 сентября 1916 года./»¹.

Через несколько дней он был уже на боевой линии Западного фронта, в 62 артиллерийской бригаде.

На Западном фронте ему пришлось провести около года – повидать затяжную позиционную войну и участвовать в июльской попытке наступления на Вильно. Русская артиллерия, по признанию экспертов, действовала там блестяще. Однако, несогласованность командования привела к тому, что наступательная операция захлебнулась [31: 388-395]. Так или иначе, сам Владислав показал себя на военных дорогах достойно, за что был представлен к очередному званию подпоручика и получил офицерский Георгиевский крест. При этом война вовсе не заставила его забыть об археологии и планах, связанных с ней в мирное время. Рассказывали, что в его домашней библиотеке до конца дней стояла книжка французского археолога Г. де Мортилье «Доисторическая жизнь» (в русском переводе). На ней была подпись: «Подпоручик Равдоникас. Западный фронт»².

Фронт стал его последним «университетом» дореволюционной поры. Юность кончилась, и эпоха кончилась вместе с ней. Начинались другие университеты.

Список использованных источников и литературы

1. Формозов А. А. К столетнему юбилею В. И. Равдоникаса // Российская археология. 1996. № 3. С. 197–202.
Formozov A. A. K stoletnemu yubileyu V. I. Ravdonikasa // Rossijskaya arheologiya. 1996. № 3. S. 197–202.
2. Миллер М. А. Археология в СССР. – Институт по изучению истории и культуры СССР. Исследования и материалы (серия 1, № 12). Мюнхен, 1954. 160 с. <http://annales.info/rus/ussr/arhsu.htm>
Miller M. A. Arheologiya v SSSR. – Institut po izucheniyu istorii i kul'tury SSSR. Issledovaniya i materialy (seriya 1, № 12). Myunhen, 1954. 160 s.
<http://annales.info/rus/ussr/arhsu.htm>
3. От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / под ред. Д. В. Арзютова, С. С. Алымова, Д. Дж. Андерсона. – СПб.: МАЭ РАН, 2014. – 511 с. (Серия «Кунсткамера – Архив». Т. VII).
Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 aprelya 1929 g.) / pod red. D. V. Arzyutova, S. S. Alyмова, D. Dzh. Andersona. – SPb.: MAE RAN, 2014. – 511 s. (Seriya «Kunstkamera – Arhiv». T. VII).

¹ СПбФ АРАН. Ф. 1049, оп. 2. Д. 74. Л. 8.

² С данным рассказом связана череда анекдотических недоразумений. Собственно, это одна из баск о Равдоникасе, рассказанных А. Д. Столяром. Суть ее сомнений не вызывает, ибо А. Д. часто бывал в доме В. И., вплоть до последних его дней, и книжку, скорее всего, видел. Но он не запомнил воинского звания Равдоникаса, так что «подпоручик» превратился у него в «поручика». Слышавший байку Л. С. Клейн перепутал потом заголовок книжки, написав вместо «Доисторическая жизнь» — «Доисторический человек». Эта ошибка тиражировалась в литературе трижды (однажды — одним из авторов). Мораль одна: перепроверять любые данные oral history очень внимательно!

4. Алымов С. С. На пути к «Древней истории народов СССР»: малоизвестные страницы научной биографии С.П. Толстова // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 125–144.
Alymov S. S. Na puti k «Drevnej istorii narodov SSSR»: maloizvestnye stranicy nauchnoj biografii S. P. Tolstova // Etnograficheskoe obozrenie. 2007. № 5. S. 125–144.
5. Алымов С. С. Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2009. № 97. <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/97/al2.html>
Alymov S. S. Kosmopolitizm, marrizm i prochie «grekhi»: otechestvennyye etnografy i arheologi na rubezhe 1940–1950-h godov // Novoe literaturnoe obozrenie. 2009. № 97. <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/97/al2.html>
6. Алымов С. С., Арзютов Д. В. Марксистская этнография за семь дней: совещание этнографов Москвы и Ленинграда и дискуссии в советских социальных науках в 1920–1930-е годы // От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / под ред. Д. В. Арзютова, С. С. Алымова, Д. Дж. Андерсона. – СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 27–90.
Alymov S. S., Arzyutov D. V. Marksistskaya etnografiya za sem' dnei: soveshchanie etnografov Moskvyy i Leningrada i diskussii v sovetskih social'nyh naukah v 1920–1930-e gody // Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvyy i Leningrada (5–11 aprelya 1929 g.) / pod red. D. V. Arzyutova, S. S. Alyмова, D. Dzh. Andersona. – SPb.: MAE RAN, 2014. S. 27–90.
7. Платонова Н. И. Археология и власть в России 1920-х годов: выработка новой научной идеологии // Верхне-Донской археологический сборник. Вып. 7. 2015. С. 58–76.
Platonova N. I. Arheologiya i vlast' v Rossii 1920-h godov: vyrabotka novoy nauchnoj ideologii // Verhne-Donskoj arheologicheskij sbornik. Vyp. 7. 2015. S. 58–76.
8. Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). – М.; СПб.: Нестор-История, 2016. – 424 с.
Tihonov V. V. Ideologicheskie kampanii «pozdnego stalinizma» i sovetskaya istoricheskaya nauka (seredina 1940-h – 1953 g.). – M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2016. – 424 s.
9. Столяр А. Д. Деятельность Владислава Иосифовича Равдоникаса // Тихвинский сборник. По материалам историко-географической конференции. Вып. 1: Археология Тихвинского края. Тихвин, 1988. С. 8–25.
Stolyar A. D. Deyatel'nost' Vladislava Iosifovicha Ravdonikasa // Tihvinskij sbornik. Po materialam istoriko-geograficheskoy konferencii. Vyp. 1: Arheologiya Tihvinskogo kraja. Tihvin, 1988. S. 8–25.
10. Клейн Л. С. Красный демон археологии. Сага о Равдоникасе // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 1. М.: «Ломоносовъ», 2010. С. 372–384 (переизд.: Клейн Л. С. История российской археологии: Учения, школы и личности. СПб., 2014. Т. 2: Археологи советской эпохи. С. 123–142).
Klejn L. S. Krasnyj demon arheologii. Saga o Ravdonikase // Kraeugol'nyj kamen'. Arheologiya, istoriya, iskusstvo, kul'tura Rossii i sopredel'nyh stran. T. 1. M.: «Lomonosov», 2010. S. 372–384 (pereizd.: Klejn L.S. Istoriya rossijskoj arheologii: Ucheniya, shkoly i lichnosti. SPb., 2014. T. 2: Arheologi sovetskoj epohi. S. 123–142).
11. Платонова Н. И. Панорама отечественной археологии на «Великом переломе» (по страницам книги В. И. Равдоникаса «За марксистскую историю материальной культуры» // Археологические вести. 9. СПб., 2002. С. 261–278.
Platonova N. I. Panorama otechestvennoj arheologii na «Velikom perelome» (po stranicam knigi V. I. Ravdonikasa «Za marksistskuyu istoriyu material'noj kul'tury» // Arheologicheskie vesti. 9. SPb., 2002. S. 261–278.
12. Платонова Н. И. История археологической мысли в России: вторая половина XIX – первая треть XX вв. – СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.
Platonova N. I. Istoriya arheologicheskoy mysli v Rossii: vtoraya polovina XIX – pervaya tret' XX vv. – SPb.: Nestor-Istoriya, 2010. 316 s.
13. Новое в археологии Старой Ладogi: материалы и исследования / Платонова Н. И., Лапшин В. А. (отв. ред.). СПб.: ИИМК РАН; Невская книжная типография, 2018. С. 23–42.
Novoe v arheologii Staroj Ladogi: materialy i issledovaniya / Platonova N. I., Lapshin V. A. (otv. red.). SPb.: IIMK RAN; Nevskaya knizhnaya tipografiya, 2018. S. 23–42.
14. Личное дело. Равдоникас В. И. – РО НА ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 5, д. 252.

- Lichnoe delo. Ravdonikas V. I. – RO NA IIMK RAN. F. 35, op. 5, d. 252.
15. Остроумова А. Л. Воспоминания (рукопись). – Хранится в семейном архиве М. Коложвари (СПб.), копия в Информационно-краеведческом центре «Нагорное Обонежье» (г. Тихвин).
Ostroumova A. L. Vospominaniya (rukopis'). – Hranitsya v semejnom arhive M. Kolozhvari (SPb.), kopiya v Informacionno-kraevedcheskom centre «Nagornoe Obonezh'e» (g. Tihvin).
16. Равдоникас В. И. Исаакий Петрович Мордвинов. Очерк жизни и деятельности. 1871–1925. – Тихвин: Изд. Тихвинского уисполкома, 1926. 42 с.
Ravdonikas V. I. Isaakij Petrovich Mordvinov. Ocherk zhizni i deyatel'nosti. 1871–1925. – Tihvin: Izd. Tihvinskogo uispolkoma, 1926. 42 s.
17. Метрическая книга на 1894-й год (Новгородская губ., Тихвинский уезд). – Фонды ТИМАХМ: ТМ КП 10681-91.
Metricheskaya kniga na 1894-j god (Novgorodskaya gub., Tihvinskij uезд). – Fondy TIMAHM: ТМ КР 10681-91.
18. Спиридонова Е. К. Научная и просветительская деятельность Исаакия Петровича Мордвинова (1871–1925 гг.). – Диссертация ... канд. ист. наук. Санкт-Петербургский государственный университет. 2016. 290 с.
Spiridonova E. K. Nauchnaya i prosvetitel'skaya deyatel'nost' Isaakiya Petrovicha Mordvinova (1871–1925 gg.). – Dissertaciya ... kand. ist. nauk. Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet. 2016. 290 s.
19. Тихвинский край: В 4 т. – СПб.: Тип. НП-Принт, 2019. – Т. 1 / Королькова Л.В.: текст. – 244 с.; Т. 2 / Королькова Л.В., Краско А. В.: текст. – 184 с.
Tihvinskij kraj: V 4 t. – SPb.: Tip. NP-Print, 2019. – T. 1 / Korol'kova L.V.: tekst. – 244 s.; T. 2 / Korol'kova L.V., Krasko A.V.: tekst. – 184 s.
20. Лебединский С. Н. Прошлое и настоящее Тихвинской женской гимназии. 1875–1915. – Тихвин: тип. Е. П. Благовещенской, 1915. 125 с.
Lebedyanskij S. N. Proshloe i nastoyashchee Tihvinskoj zhenskoj gimnazii. 1875–1915. – Tihvin: tip. E. P. Blagoveshchenskoj, 1915. 125 s.
21. Материалы для оценки городских недвижимых имуществ Новгородской губернии. Том III: г. Тихвин. – Новгород: Паровая Типография А. И. Щербакова, 1901.
Materialy dlya ocenki gorodskih nedvizhimyh imushchestv Novgorodskoj gubernii. Tom III: g. Tihvin. – Novgorod: Parovaya Tipografiya A. I. Shcherbakova, 1901.
22. Григорьев Л. И. Тихвин и его святыня. – СПб., 1888. 71 с. (переизд. в 1999, 2010, 2016 гг.).
Grigor'ev L. I. Tihvin i ego svyatynya. – SPb., 1888. 71 s. (pereizd. v 1999, 2010, 2016 gg.).
23. Платонова Н. И., Титова А. А. Красный командир археологии // Дивья: Информационный еженедельник. Тихвин. 2019. № 50. С. 4; 2019, № 51. С. 4; 2020. № 1. С. 4; 2020, № 2. С. 4.
Platonova N. I., Titova A. A. Krasnyj komandir arheologii // Div'ya: Informacionnyj ezhenedel'nik. Tihvin. 2019. № 50. S. 4; 2019, № 51. S. 4; 2020. № 1. S. 4; 2020, № 2. S. 4.
24. Отношение к интеллигентности [Равдоникас В. И. Машинописный оригинал заявления в Ц.К.К. – СПбФ АРАН. Ф. 1049. Оп. 2. Л. 133–136] // Санкт-Петербургский университет. № 5 (3661), 19.02.2004 <http://old.journal.spbu.ru/2004/05/15.shtml>
Otnoshenie k intelligentnosti [Ravdonikas V. I. Mashinopisnyj original zayavleniya v C.K.K. – SPbF ARAN. F. 1049. Op. 2. L. 133–136] // Sankt-Peterburgskij universitet. № 5 (3661), 19.02.2004 <http://old.journal.spbu.ru/2004/05/15.shtml>
25. Мордвинов И. П. Дневники. – ЦГИА СПб. Фонд 2253 (Мордвинов И. П.). Оп. 1, дд. 1–2, 4–8.
Mordvinov I. P. Dnevnik. – CGIA SPB. Fond 2253 (Mordvinov I. P.). Op. 1, dd. 1–2, 4–8.
26. Сорокин П. А. Долгий путь: Автобиограф. роман / пер. с англ. П. П. Кротова, А. В. Липского. – Сыктывкар: Союз Журналистов Коми АССР: Шыпас, 1991. 304 с. <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=4768>
Sorokin P. A. Dolgij put': Avtobiogr. roman / per. s angl. P. P. Krotova, A. V. Lipskogo. – Syktyvkar: Soyuz Zhurnalistov Komi ASSR: Shypas, 1991. 304 s. <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=4768>
27. Жервэ Н. Н. Тихвинское отделение Новгородского общества любителей древности (1913–1929) // Тихвинский сборник. По материалам историко-географической конференции. Вып.1: Археология Тихвинского края. Тихвин, 1988. С. 31–38

Gervais N. N. Tihvinskoe отделение Novgorodskogo obshchestva lyubitelej drevnosti (1913–1929) // Tihvinskij sbornik. Po materialam istoriko-geograficheskoy konferencii. Vyp. 1: Arheologiya Tihvinskogo kraja. Tihvin, 1988. S. 31–38

28. Платонова Н. И. Камерное погребение в кургане у д. Удрай Новгородской области // Новгород и Новгородская земля. ТНК. Вып. 4. Новгород, 1992. С. 102–104.

Platonova N. I. Kamernoe pogrebenie v kurgane u d. Udraj Novgorodskoj oblasti // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. TNK. Vyp. 4. Novgorod, 1992. S. 102–104.

29. Равдоникас В. И. Доклад, читанный на общем собрании Тихвинского отделения НОЛД 21 марта 1916 г. Об археологическом и этнографическом исследовании Тихвинского уезда. – СПбФ АРАН. Ф.1049. Оп.1. Д. 1.

Ravdonikas V. I. Doklad, chitannyj na obshchem sobranii Tihvinskogo otdeleniya NOLD 21 marta 1916 g. Ob arheologicheskom i etnograficheskom issledovanii Tihvinskogo uezda. –SPbF ARAN. F.1049. Op.1. D. 1.

30. Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье. – М.; Л.: Соцгиз, 1934. 72 с. (Изв. ГАИМК. Вып. 94).

Ravdonikas V. I. Pamyatniki epohi vzniknoveniya feodalizma v Karelii i yugo-vostochnom Priladozh'e. – М.; Л.: Socegiz, 1934. 72 s. (Izv. GAIMK. Vyp. 94). (Известия Государственной академии истории материальной культуры; Вып. 94).

31. Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.): В 4-х томах. Том IV. – М.: Воениздат МВС СССР, 1948. 420 с.

Barsukov E. Z. Artilleriya russkoj armii (1900–1917 gg.): V 4-h tomah. Tom IV. – М.: Voenizdat MVS SSSR, 1948. 420 s.

Platonova N. I., Bondareva V. V., Gervais N. N., Titova A. A. To the 125th anniversary of V. I. Ravdonikas. The path to archaeology. Part 1: Tikhvin Origins.

The article is dedicated to one of the famous Russian and Soviet archaeologists of the twentieth century Vladislav I. Ravdonikas. The meager set of known facts of his biography, wandering from publication to publication, is still replete with inaccuracies and gaps. They are built almost exclusively on oral history materials. Now we have at our disposal a series of new sources capable of shedding light on the early period of the scholar's life (1894–1927). Without studying this period, the subsequent dizzying career of the «Tikhvin local historian» (as some people call him) simply cannot be understood. The article is the first part of the work and covers the chronological period from the early 1890s to the autumn of 1917.

Keywords: Vladislav I. Ravdonikas, scientific biography, Tikhvin, sources, I. P. Mordvinov